

Григорий Киселёв

Точка отрыва

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
К44

К44 **Киселёв Г.**
Точка отрыва / Григорий Киселёв – М.: Lennex Corp, — Подготовка макета:
ООО «Книга по Требованию», 2013. – 356 с.

ISBN 978-5-458-53123-8

«Точка отрыва» — это рассказ о судьбах представителей двух поколений советских людей, летчиков времен Великой Отечественной войны и 70-80-х годов прошлого столетия. Героев объединяют такие качества, как патриотизм, отвага, мужество.

ISBN 978-5-458-53123-8

© Lennex Corp, 2013
© Г. Киселёв, 2013

Григорий Киселёв

Точка отрыва

роман

г. Москва
2012 год

О романе

«Точка отрыва» — это рассказ о судьбах советских людей двух поколений. Его герои — лётчики времён Великой Отечественной войны и 70-80-х годов прошлого столетия. Это представители двух разных поколений, но, несмотря на то, что их разделяют несколько десятилетий, они обладают одинаковыми качествами. Такими как патриотизм, любовь к Родине, смелость, отвага, мужество.

Жизнь героев, их поступки, описываемые в этой книге, проходят на фоне тех событий, которые переживает страна.

Первые страницы книги, переносят читателя в современное Приэльбрусье, где застигнутые непогодой горнолыжники — бывший лётчик-истребитель, два военных историка и автор книги — вспоминают события прошлых лет.

В книге, на протяжении всего повествования, параллельно проходят две сюжетные линии. Одна из них — боевая работа лётчиков участвующих в операции по первым бомбардировкам столицы третьего рейха Берлина в сентябре 1941 года. Затем одного из героев военная судьба забрасывает на Аляску, где он в составе группы советских специалистов, принимающих американские самолёты, поставляемые нашей армии по «Ленд-лизу», в суровых условиях Заполярья, осуществляет их перегонку в СССР. В книге рассказывается о жизни и боевой работе авиаторов в той непростой обстановке.

Другая линия — это живой рассказ одного из героев книги. Офицер запаса, советский пилот, летавший на самолётах-перехватчиках четвёртого поколения, повествует о своей военной службе, полётах и боевых дежурствах.

Автором книги, сделана попытка заставить читателя по-новому взглянуть на авиацию тех лет и исторические факты, на фоне которых происходили описываемые события.

Это было недавно,
Это было давно!
Слова из песни

Часть первая

«У Фариды»

Северный Кавказ, Приэльбрусье. Чегетская поляна, как и все Баксанское ущелье, утопала в снегах. Прошло четыре дня с тех пор, как мы с женой приехали сюда кататься на горных лыжах. На этот раз нам не повезло, уже на второй день после нашего приезда непредсказуемая погода внезапно преподнесла очередной сюрприз. В Баксанском ущелье, над Чегетом и Эльбрусом закружила и завертела снежная круговерть.

Подъемники остановились, склоны засыпаны снегом так, что горнолыжные трассы сровнялись с остальным горным ландшафтом и только опытный чегетянин мог определить, где можно спускаться, а куда лезть не стоит. И несмотря на это, снег продолжает сыпать и сыпать. Впечатление такое, что ты находишься на дне гигантского сосуда, в который кто-то сверху старательно просеивает снежную пыль, оседающую на горы и ущелья белым пухом, закрывая все вокруг толстым белоснежным покрывалом.

Катающийся люд от безделья слонялся из угла в угол, разбредался по разным местам, искал себе занятие, чтобы переждать непогоду. Кто-то валялся в кровати с книжкой в руках, где-то сколотились группы по три-четыре человека,

которые под рюмку-другую расписывали преферансные пули, кое-где горюющие горнолыжники, создав запасы спиртного, сидели в номерах и, попивая его, вспоминали различные истории из своей кочевой горнолыжной и туристской жизни. Остальные нашли себе приют в маленьких кафешках и ресторанчиках, разбросанных вокруг Чегетской поляны, которых здесь немало количество.

В это утро мы с Валерой, пользуясь тем, что непогода закрыла для нас горы, решили дойти до ресторана, чтобы попить пива и там за долгими разговорами скоротать время. Путь был хоть и недалекий, но очень трудный. Мы брели, передвигаясь по колено в снегу, держа путь к любимившемуся нам ресторанчику «У Фариды», который прилепился у подножья Чегета на самом выкате. Ругая на чем свет стоит и снег, и непогоду, и саму идею покинуть такой родной и теплый отель, ведь пива можно было попить и там, мы все-таки пересекли поляну и добрались наконец до ресторана. Посетителей не было, и на правах первых клиентов мы выбрали лучшее место, расположившись за столиком у камина. Причина отсутствия посетителей была понятна: желающих первыми прокладывать тропинку по снежной целине, преодолевая путь от отеля до ресторана, было немного.

Но вскоре нашему примеру последовали другие. Увидев следы первопроходцев, горнолыжники по проторенной дорожке потянулись на огонек. С каждым новым человеком, прошедшим по тропинке, она все более утаптывалась, а ресторанчик постепенно наполнялся скучающим народом. Заказав пива, мы завели неспешный, как это бывает в подобных случаях, разговор о жизни.

Валера – крепкий парень лет сорока пяти, спортивного телосложения, беззаветно любящий горы, бесстрашно спускающийся с любых вершин, по любым склонам. Он среднего роста, поредевшие волосы, указывающие на свою

печальную перспективу в будущем, еще не тронуты седеной. Любитель туризма и путешествий, Валера всегда душа компании. Кроме того, в горнолыжных кругах он хорошо известен как автор-исполнитель песен о горах и горных лыжах.

С Валерой мы познакомились случайно, хотя я в случайности не верил, ибо за свою довольно продолжительную жизнь неоднократно убеждался в том, что все в этом мире закономерно. Я, конечно, знал Валеру, но исключительно как зритель, поскольку неоднократно видел и слышал его, когда тот на сцене с гитарой в руках с успехом пел свои горнолыжные песни. В жизни же встречаться не приходилось. Меня Валера, естественно, не знал.

В тот день каким-то образом занесла меня нелегкая на «Доллар». Любители Чегета знают эту, если можно так выразиться, с позволения сказать, трассу, которая по виду, если смотреть на нее сверху, напоминает букву латинского алфавита «S», отсюда ее название. Эта трасса является как бы мерилом мастерства горнолыжника, «можешь – не можешь». Не один любитель острых ощущений, освоивший горку где-нибудь в Крылатском и потому возомнивший себя асом, ломался на «Долларе», как в прямом, так и в переносном смысле.

Здесь часто можно было увидеть, как «крутые» перед спуском, всего лишь пятнадцать минут назад, «орлы» на этой трассе становились тряпичными куклами с животным ужасом в глазах, не в силах преодолеть себя и направить лыжи вниз, в сторону отвесного склона.

Итак, стою я наверху перед спуском и размышляю. Что-то мне и вправду стало страшновато. Я осмотрелся на предмет возможной альтернативы, всерьез подумывая о том, как выбраться отсюда без ущерба для здоровья, не подвергая риску свою шею. И вдруг за спиной раздался знакомый звук, издаваемый кантами лыж при торможении.

Я повернулся в сторону лихача. Рядом со мной стоял косматый горнолыжник без шлема, с длинными до плеч белокурыми волосами. Лицо лыжника неуловимо напоминало кого-то, и я, напрягая память, пытался вспомнить кого.

– Ну, что стоим, кого ждем? – спросил лихач словами популярной в то время телевизионной рекламы и улыбнулся своей обезоруживающей улыбкой.

И здесь меня осенило: «Ба, да это же Михлюков», и я, несколько смутившись, произнес:

– Валера, неужели это ты? Привет! Тебя трудно узнать. На сцене ты совсем другой. Парик очень сильно тебя меняет.

– Все мы в этой жизни одинаково разные. Что же касается парика, то это мой горнолыжный имидж и в какой-то степени оберег. Я всегда в нем катаюсь. А вот тебя вижу впервые.

– Это потому, что ты на сцене, а я в зале, на склонах же пересекаться не приходилось.

– Ну, вот и пересеклись. Тебя как зовут? Получается не совсем красиво – ты меня знаешь, а я тебя нет.

Я назвал себя, и мы, не снимая перчаток, пожали друг другу руки.

– Ну, что, погнались? – спросил Валера, вынося вперед руки с палками, готовясь оттолкнуться и полететь вниз.

– Да, знаешь, я впервые на «Долларе» и, честно говоря, страшновато.

– Фигня вопрос, на свете нет страшнее того страха, который ты придумал себе сам. Раз хватило ума сюда забраться, то уж постарайся взять этот «Доллар». Главное, не разгоняйся, а то унесет. Иди уверенно, не спеша. Мысленно ставь впереди себя точку, спускайся к ней, ставь следующую, и так шаг за шагом не заметишь, как спустишься, понял?

- Понял.
- Ну, тогда за мной. Поехали?
- Поехали.

Он оттолкнулся и полетел вниз, я ринулся за ним. Какое-то время Валера шел чуть впереди, иногда притормаживая, оглядываясь, но, обнаружив, что ведомый с задачей потихоньку справляется, махнул мне рукой и через мгновение исчез в тенистом кулуаре.

Я не помнил, как спустился. Радости не было, была только одна мысль: «Слава богу – руки, ноги, голова целы». И усталость! Она так накатила, что кататься в этот день я уже не смог. Не унималась дрожь в ногах, было такое ощущение, что по мне проехал трактор. В себя я пришел только после контрастного душа и дневного сна.

Пробуждение после «фиесты» запомнилось надолго. С кровати я поднялся другим человеком. Гордость за себя, за то, что смог сделать это, переполняла меня. Вот сейчас, после «Доллара», я с полным правом мог называть себя горнолыжником.

Вечером того же дня я, по установившейся традиции, пригласил товарища, с которым мы приехали на Чегет, в ресторан, чтобы отметить столь важное событие в моей горнолыжной биографии.

Побродив по разным заведениям в поисках места, мы оказались в том же ресторане, в который сейчас пришли с Валерой. Войдя в зал, мы обнаружили, что и здесь нас не ждут, все места были заняты. Стало совсем грустно, мы обошли уже почти все места, где можно было посидеть, но делать нечего, надо идти дальше. Мы уже направились к выходу, когда я услышал, что кто-то меня зовет. Обернувшись на голос, я увидел Валеру, сидевшего в кругу друзей и махавшего мне рукой. Рядом с ним на стуле стояла гитара.

- Ребята, давайте к нам, у нас найдется два места.

Он убрал гитару, освобождая стул, а кто-то из ребят позаимствовал у соседнего стола еще один, и мы, довольные, что нашли места, удобно расселись.

– Ну, как, жив? – спросил у меня Валера, и сам, отвечая на свой вопрос, продолжил: – Вижу, жив и даже здоров. А то, что казенный ужин променял на ресторанный, свидетельствует о наличии бодрости духа.

Валера балагурил, и это получалось у него естественно и не назойливо. Со стороны могло показаться, что мы знакомы много лет, а я и не возражал. Мне даже немного льстило знакомство с человеком, которого почитало все горнолыжное братство не только на Чегете, а всюду, где слышали его песни о лыжах и о горах.

– Спасибо, Валера, все нормально, – ответил я, – хорошо, что перед спуском встретил тебя. Ведь это ты меня благословил на подвиг, и как хорошо сложилось, что отмечать это событие будем вместе. Скажите только, кто что пьет, я сейчас сделаю заказ.

– Ребята, вы говорите загадками, – сказал кто-то из Валериных друзей, сидевших за столом. – В чем дело? Введите в курс.

– Все просто, – улыбнулся Михлюков. – У Григория сегодня событие – он стал долларовым чегетянином, отсюда и банкет.

Присутствующие за столом одобрительно загалдели. Поскольку они уже успели пропустить по рюмке, а может быть, и не по одной, то довольно шумно стали меня поздравлять, говорить приятные слова. Потом все слушали Валеркины песни, пели хором, рассказывали горнолыжные байки. Короче говоря, все, как это обычно бывает на таких посиделках.

Так произошло наше знакомство, которое впоследствии переросло в дружбу. Нас объединяли взгляды на жизнь и общность интересов, которые во многом совпадали. И не

только в любви к горам, горным лыжам и путешествиям. Мы принадлежали к одному поколению офицеров. Оба служили в авиации. Валера был летчиком ПВО, другими словами истребителем-перехватчиком, а я окончил авиационное училище и служил в Военно-воздушных силах. Поскольку армейское воспитание получали в авиации, то, естественно, оба любили самолеты и все, что связано с ними.

И вот сейчас, спустя два года после нашего знакомства, мы сидим в том же ресторанчике, коротаем свободное время, которое непогода растянула до непредсказуемости, и не спеша пьем пиво с креветками. Разговор, как обычно бывает в таких случаях, начался с погоды, гор, горных лыж и как-то незаметно для нас обоих перешел на любимую авиационную тему.

– Валера, а ведь у тебя тоже наверняка было немало случаев, когда летные передряги были конкретно связаны с такой вот погодкой. Помнишь, как в той песне: «Мы к земле прикованы туманом...» Расскажи что-нибудь из своей жизни, – отхлебнув из бокала, попросил я. – И молодость вспомним, и время уьем.

– Конечно, таких случаев было до хрена и больше, ты ведь и сам прекрасно знаешь, что в авиации вся ее летная работа связана с погодой. Есть погода – летаем, нет – ждем. Но это было давно, еще в Советской армии. С приходом демократии и развалом Союза летать вообще перестали, и это уже совсем не зависело от погоды.

– Но ведь ты же служил еще в то время, когда летали?

– Естественно. Да я и службу-то оставил, лишь когда перестали летать, а пилоты-профессионалы оказались попросту не нужны. Страна сама билась в конвульсиях – какие уж тут полеты... ей было не до нас.

– Ты прав, но я не о том, – продолжал настаивать я на своем. Надо сказать, что у меня к этому вопросу был свой,

писательский интерес, поскольку я начал работать над книгой об авиаторах и собирал материал по этой теме. – Я веду к тому, что коли тебе приходилось много летать, то у тебя наверняка были интересные случаи, связанные с непогодой?

– Ну, конечно, были.

– Так расскажи что-нибудь.

– У каждого летчика таких случаев – море. Но то, что я попытаюсь восстановить вкратце сейчас, возможно, действительно заслуживает особого внимания. Слушай!

Он отхлебнул глоток из кружки с пивом, промокнул губы салфеткой и начал свой рассказ...

Полет в никуда

В зале стоял полумрак. За оконным стеклом по-прежнему сыпал снег. В маленьком ресторанчике, что прилепился к подножью Чегета, горнолыжники, оказавшиеся из-за погоды не у дел, коротали время. На плазменной панели лихие фрирайдеры выписывали свои пируэты. В камине потрескивали березовые поленья. Тихо и ненавязчиво играла музыка, на фоне которой зазвучал рассказ пилота Михлюкова.

...Итак, зима 1984 года, остров Сахалин. Серьезнейшая международная обстановка, связанная с нашумевшей историей о сбитом корейском «Боинге», якобы случайно залетевшем на нашу территорию из-за отказа навигационных систем. Даже сейчас, после десятка проведенных экспертиз и журналистских расследований, нельзя с уверенностью сказать, что произошло на самом деле: случайность или тщательно спланированная неудачная операция ЦРУ.

Ты наверняка помнишь, как тогда, в разгар холодной